

T. Mikola, Die alten Postpositionen des Nenzischen (Jurak-samojedischen), Budapest, Akadémiai Kiadó, 1975. 242 стр.

Во введении (стр. 9—10) к книге «Древние послелого ненецкого (юрако-самодийского) языка» Т. Микола отмечает, что в последнее время изучение послелогов как в венгерской, так и в финно-угорской лингвистической литературе выдвинулось на первый план. Автор поставил перед собой задачу способствовать будущему синтезису в области изучения послелогов в уральской языковой семье, основу для которого заложил ряд исследований, посвященных разным вопросам уральских послелогов. Рабочая часть книги состоит из шести глав: I. Критерии определения послелогов в ненецком языке с точки зрения частей речи (стр. 11—19); II. Древние ненецкие послелого (стр. 20—129); III. Строение послеложных конструкций (стр. 130—163); IV. Происхождение ненецких послелогов (стр. 164—200); V. Замечания к истории ненецких послеложных конструкций (стр. 201—210); VI. Становление и развитие послеложной системы в самодийских языках (стр. 211—237). В конце книги приводится список сокращений использованной литературы (стр. 239—242).

В первой главе дается обзор точек зрения М. А. Кастрена, Г. Н. Прокофьева, Н. М. Терещенко и В. И. Рубкалевой о месте послелогов в системе частей речи ненецкого языка. Т. Микола выделяет в ненецком языке группу вспомогательных слов — союзы и послелого (стр. 15). При разграничении ненецких послелогов и существительных он считает наиболее четким критерием наличие у древних послелогов окончания латива $-i \sim -n$ и т. д. (вместо $-n' \sim -d' \sim -t'$ у существительных). Он указывает, что к послелогам, как и к существительным, могут присоединяться словообразовательные суффиксы, например, $\acute{n}\acute{a}' \text{ 'zu'}$, $\acute{n}\acute{a}\acute{k}\acute{u}'$ то же (с диминутивным суффиксом), $\acute{n}\acute{a}\acute{n}\acute{i}'$ 'impeg pig zu ...' (с лимитативным суффиксом) и т. д. (стр. 17). От словоизменительных суффиксов послелого отличаются в трех отношениях: к ним могут присоединяться possessивные суффиксы; их фонетический облик не зависит от фо-

нетического облика главного члена послеложной конструкции; кроме общей со словоизменительными суффиксами функции выражения направления, послелого обладают еще и функциями выражения места, времени, образа действия и т. д. (стр. 18). Некоторые ненецкие послелого могут, по мнению автора, обладать двойной функцией послелога-наречия (стр. 19).

В начале второй главы автор перечисляет использованные им источники ненецкого языкового материала: проработаны материалы М. А. Кастрена, Т. Лехтисало, Н. М. Терещенко и целого ряда других советских исследователей; некоторое количество материала Т. Микола сам записал у ямальской ненки А. В. Лапсуй (стр. 20—21). Каждый послелог рассматривается в этой главе в следующем порядке: перечисляются важнейшие формы послелога; дается характеристика его употребления; приводятся примеры на его употребление (в виде предложений, объединенных в семантические группы). Материал Т. Лехтисало дан автором в ненецкой фонологической транскрипции, разработанной П. Хайду (с небольшими отклонениями; см. и стр. 22—24). В этой главе мы находим детальное описание 25 ненецких послелогов: $\acute{n}\acute{a}'$, $\acute{n}\acute{u}'$, $\eta\acute{i}\acute{l}$, $\acute{t}\acute{a}\acute{x}\acute{a}'$, $\acute{m}\acute{u}'$, $\acute{p}\acute{u}'$, $\acute{n}\acute{e}\acute{r}$ -, $\acute{x}\acute{i}'$, $\acute{x}\acute{a}\acute{w}\acute{n}\acute{a}$, $\acute{x}\acute{e}\acute{w}$ -, $\acute{j}\acute{e}\acute{d}'$, $\acute{j}\acute{u}\acute{r}'$, $\acute{j}\acute{e}\acute{r}'$, $\acute{s}\acute{e}\acute{r}'$, $\acute{t}\acute{o}\acute{t}\acute{a}\acute{f}\acute{e}\acute{w}'$, $\acute{n}\acute{a}\acute{r}'$, $\acute{t}\acute{a}\acute{x}\acute{a}\acute{m}\acute{a}\acute{n}\acute{a}$, $\acute{a}\acute{e}\acute{l}\acute{o}\acute{w}'$, $\acute{p}\acute{i}\acute{n}\acute{a}$ -, $\acute{k}\acute{e}\acute{s}\acute{u}\acute{m}\acute{n}\acute{a}$, $\acute{x}\acute{u}\acute{n}\acute{s}\acute{e}\acute{r}'$, $\acute{k}\acute{a}\acute{m}$, $\acute{t}\acute{u}'\acute{u}$ -, $\acute{t}\acute{a}\acute{l}$ -, $\acute{p}\acute{u}\acute{r}\acute{d}\acute{a}\acute{f}\acute{i}'$. Приводятся все суффиксальные (падежные, possessивные и пр.) формы этих послелогов. Это — аккуратно собранный, тщательно документированный, четко выстроенный и хорошо прокомментированный материал по всем древним ненецким послелогам, охватывающий все диалекты и говоры ненецкого языка.

Содержанием третьей главы является очень сжатый, но богатый идеями и находками анализ строя ненецких послеложных конструкций. Последние автор подразделяет, исходя из формы их главного члена, на две основные группы: конструкции с именем в форме абсолютного склонения и с именем в форме по-

сессивного склонения. Т. Микола пишет, что с главным членом в форме единственного числа абсолютного склонения фонетически сливается, как правило, лишь послелог *ñá'* и т. д., а некоторые другие послелоги — только в единичных случаях (по сути дела, перед нами процесс перехода послелогов в падежные суффиксы — А. К.). Автор уверен, что послелоги слились здесь с формой генитива главного члена: на это указывает т. н. генитивная основа главного члена, например, *jāwñāna*, но ср. ном. *jām'* 'море' (стр. 130—131). Далее он рассматривает форму главного члена — отдельно по пяти говорам тундрового диалекта и по лесному диалекту — в конструкциях, в которых главный член в форме единственного числа абсолютного склонения и послелог не слились; Т. Микола считает, что главный член имеет здесь преимущественно форму генитива (стр. 131—137). Насколько позволяет материал, он исследует по такой же схеме и остальные формы главного члена, т. е. двойственное и множественное число абсолютного склонения, все числа и лица посессивного склонения (стр. 137—148). Затем следует группирование послелогов (наречий), снабженных личными суффиксами, по всем лицам и падежным формам (стр. 148—157).

В ходе анализа морфологического строения послелогов (стр. 157—161) автор выявляет, что на конце их лативных форм в тундровом диалекте стоит обычно назализирующийся (а в некоторых случаях и неназализирующийся) гортанный смычный, который сохраняется в большинстве случаев в неизменном виде, т. е. не ассимилируется с начальным звуком следующего за ним слова, например, (Лехтисало) *n ũ ñ i' tãewi'* 'er kam zum Nimmel'. В лативных формах лесного диалекта этому гортанному смычному соответствует *-ŋ* или \emptyset . В западных говорах тундрового диалекта здесь часто употребляется суффикс латива имен *-n'*. На конце локативных форм стоит всегда *-na* (*-ña*, *-ñe*), а на конце аблативных форм — *-d* (*-t*). По мнению Т. Микола, *-n'* всегда, а *-na* и *-d* иногда присоединены к форме латива, например, *ñañen'* : *ñañena* : *ñañed* (вместо **ñan'* : **ñana* : **ñad* — А. К.). Наиболее обычными формами суффикса прозекутива являются здесь *-mna*, *-mana*,

-mña, *-mñe*. Часто все эти падежные суффиксы заменены послелогом *ñá'* и т. д., например, *ñērñá'* : *ñērñāna* : *ñērñād*. Особое внимание привлекает мнение Т. Микола, соответственно которому в послелогах типа *ñájū' ~ ñajuw'* (лесной диал. *ñāñjom*) : *ñāñuna* : *ñāñud* мы имеем дело со следом форманта *jum'*, выражающего один из двух предметов, отнесенных друг к другу (напр., *χujum'* 'welcher von beiden?'), ср. также *taññāñjom* 'hierher', *taññāñjom* 'nach jener Richtung' и др. Автор пишет, что к послелогам присоединяются те же посессивные суффиксы, которые употребляются при генитивных формах имен (стр. 161—162). Далее приводятся некоторые редкие случаи употребления нескольких послелогов (стр. 162—163).

В четвертой главе Т. Микола выявляет источники рассматриваемых послелогов. Остановимся на некоторых наиболее интересных и новых точках зрения автора. Этимологически связанные друг с другом нен. *ñá'* и т. д. и нган. *pañ* и т. д. он возводит к праненецкому и нганасанскому **nā*, а эн. *ne* и т. д. — к праэн. **ne*. Этим послелогам он находит возможные этимологические соответствия также в селькупском и финно-угорских языках, считая их общим источником основу **nā*, **nāk*-, **nāñ*- (< местоименная основа **nV*). Тем самым Т. Микола отклоняет предположение некоторых исследователей, согласно которому ненецкий послелог *ñá'* и т. д. происходит от слова *ñā* 'Gefährte, Freund', но считает возможным, что и тот и другой берут свое начало от слова со значением 'Nähe'. Он предполагает также связь между местоименной основой **nā*, с одной стороны, и обско-угорской и самодийской *n*-овой местоименной основой 2-го лица, с другой; ср. также фин. *tykö* 'zu', морд. *tejsa* 'in der Nähe', коми *dinjn* 'neben', венг. *-tól*, *-től* 'von' и др., с одной стороны, и *t*-овую местоименную основу 2-го лица, с другой (стр. 164—170).

Начальный согласный ненецкого послелога *ñi'* и т. д. Т. Микола считает неэтимологическим соединительным согласным, возникновению которого, возможно, способствовало ошибочное переразложение послеложных конструкций типа **mätVn in 'auf das Zelt' > *mätV nin* то же. Он находит этому ненецкому пос-

делогу этимологические соответствия во многих финно-угорских языках и реконструирует их общий прауральский источник в форме **ile* ~ **ele*- (местоименная основа **i*, **e* + локальный формант **le*, стр. 170—173). Очень интересен и анализ послелога *taxā* и т. д. (стр. 175—176), а также некоторых других послелогов. Всюду проработана богатая литература, охвачена вся уральская языковая семья. Доводы автора хорошо обоснованы и в большинстве случаев убедительны. Не только результаты анализа, но и весь его ход должны представлять, несомненно, интерес для исследователей как самодийских, так и финно-угорских языков, а в ряде случаев — в первую очередь для исследователей финно-угорских языков, так как самодийские данные проливают здесь свет на проблемы именно финно-угорских языков, в том числе и на проблемы их исторической фонетики.

В начале пятой главы автор выдвигает предположение о том, что в лативных формах древних послелогов в северносамодийских языках выступает суффикс латива **η*, следом которого он считает, например, инлаутный *-η* в ненецком послелоге *nāṇēn'* и т. д.; ближайшими селькупскими этимологическими соответствиями последнего являются, по мнению автора, *-nīṇ*, *-nīk*, *neṇa*, *neka*. Суффикс *-η* встречается также в лативных формах наречий в камасинском, хантыйском и эрзянском языках, будучи очень древним суффиксом латива (стр. 201—202). С таким предположением можно вполне согласиться, ср. и наши точки зрения (А. Кюннап, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki 1971 (MSFOu 147), стр. 117, 125, 129). Т. Микола предполагает, что этот суффикс латива **η* может быть вариантом суффикса латива **k*, ср. сельк. *neṇa* ~ *neka* 'dorthin' (стр. 202). С такой возможностью следует, на наш взгляд, считаться по меньшей мере в рамках самодийских языков, ср. суффикс латива *-gV*, *-q(V)*, *-k(V)*, *-ηV* в абсолютном склонении селькупского языка (см. А. Кюннап, System und Ursprung..., стр. 87, 125); ср. далее и наше предположение о том, что суффикс (**-ηV*), выступающий во всех самодийских языках в качестве

показателя императива (кроме 2-го лица ед. ч. субъектного спряжения), может восходить к форме **kV(-)* (см. А. Ю. Кюннап, Склонение и спряжение в самодийских языках. (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту 1974, стр. 17—19).

Далее Т. Микола рассматривает историю древних ненецких послелогов (наречий), которые снабжены личными суффиксами. В этой связи он развивает теорию об историческом ходе перехода согласных **t*, **s*, **k*, **p* в лесном диалекте в неназализирующийся гортанный смычный ' перед звонкими согласными и в преаспирацию *χ* согласных перед глухими согласными. В тундровом диалекте позже этот гортанный смычный исчез местами, а преаспирация исчезла полностью. Предпосылкой появления стечений согласных **t*, **s*, **k*, **p* + согласный в ненецком языке стало, по его мнению, исчезновение гласного *e* в открытых непервых слогах (выступавшие в непервых слогах другие гласные *a*, *ā* сохранились), ср. и финскую форму паритива *vettä* 'воду' < **vetetä*. (Стр. 206—210). Это — очень вероятная гипотеза. В качестве примера Т. Микола реконструирует ряд форм парадигмы ненецкого слова 'чум'. Приведем их в сопоставлении с нашей прасамодийской реконструкцией парадигмы того же слова (А. Кюннап, System und Ursprung..., стр. 125, 127):

(Микола)

ном.	<i>mā'</i>	
ген.	<i>mād'</i>	< * <i>māten</i>
акк.	<i>mādm'</i>	< * <i>mātem</i>
лат.	<i>māt'</i>	
лок.	<i>mākana</i>	
	< * <i>mātkana</i>	< * <i>mātekana</i>
абл.	<i>mākad</i>	
	< * <i>mātkata</i>	< * <i>mātekata</i>
проз.	<i>mā'amna</i>	
	< * <i>mātmana</i>	< * <i>mātemana</i>

(Кюннап)

ном.	* <i>mVttV</i>
ген.	* <i>mVttVn</i>
акк.	* <i>mVttVm</i>
лат.	* <i>mVttV</i> + * <i>-ntV</i>
лок.	* <i>mVtt(V)kVnV</i>
абл.	* <i>mVtt(V)kVtV</i>
проз.	* <i>mVnV</i>

Наша реконструкция относится к более древнему периоду и является соответственно более осторожной. Но в основном обе реконструкции, как можно видеть, совпадают, особенно в отношении наличия гласного во втором слого и в отношении консонантизма падежных суффиксов. Если иметь в виду и тот факт, что мы исходили при реконструкции главным образом из данных южносамодийских языков, а Т. Микола — из данных северносамодийских языков, то можно легко убедиться в большой достоверности его гипотезы.

Но мы не считаем возможным согласиться с точкой зрения автора, согласно которой, например, ненецкий лативный послелог *jēd'* стоит, на самом деле, в форме генитива, подтверждая тем самым идентичность суффикса лативных послелогов с суффиксом генитива, который будто бы образовался в свою очередь из суффикса древнего локатива-латива (стр. 209). Во-первых, мы убеждены, что если на конце послелога *jēd'* действительно сохранился след суффикса латива (-'), то это — след древнего суффикса латива наречий и послелогов *-η (см. A. Künnap, *System und Ursprung...*, стр. 125). Во-вторых мы считаем, что суффикс генитива *-n никак не мог образоваться от древнего суффикса локатива *-nV (а суффикса «локатива-латива» вообще никогда и не существовало) (см. там же, стр. 66). Указанная точка зрения Т. Микола не играет все же сколько-нибудь значительной роли в общем ходе его анализа строения древних послелогов в ненецком языке.

В шестой главе мы находим целый ряд соображений автора о становлении и развитии системы послелогов в самодийских языках. Эта глава — наиболее теоретическая и гипотетическая. Т. Микола считает, что северносамодийские языки сохранили относительно системы послелогов более древнее состояние, чем южносамодийские. По его мнению, послелог в уральских языках не берут свое начало от имен, а происходят из наречий, связь с которыми сохранили до наших дней (стр. 211—215). Как наречия, так и местоимения восходят к однословным «указательным словам» (у П. Равила «Zeigwörter») типа, например, *to!* 'dies-dort-schau!' Легко представить себе переход последних в падежные суф-

фиксы, например, **kota* 'Haus' + *na* 'dort' > **kotana* 'beim Haus, im Haus' (стр. 216—219). Т. Микола отмечает, что часто выступает в уральских языках в вопросительных местоимениях, обозначающих лицо, гласный переднего ряда, а в вопросительных местоимениях, обозначающих место, — гласный заднего ряда, ср. например, эст. *kes* 'кто' — *kuhu* 'куда', нен. *χib'a* 'кто' — *χuñ'a*, *χañ'a* 'куда'; т. е. налицо та же разница, которая имеется между местоименными основами, обозначающими ближнее и дальнее место. На основании этих наблюдений автор строит гипотезу о разветвлении «указательных слов» на местоимения и наречия, происшедшем уже в далеком прошлом (стр. 220—233). Эта гипотеза, несомненно, очень интересна и допустима в принципе, но требует дальнейшей разработки и проверки. Надо надеяться, что сам автор продолжит работать над своей гипотезой. Кратко изложить ее трудно и можно лишь посоветовать ознакомиться с ней по первоисточнику.

Т. Микола считает далее, что образовавшиеся первоначально в сфере наречий падежные суффиксы распространились позже благодаря согласованию на сферу имен. Словоизменительные суффиксы стали здесь сначала употребляться большей частью для выражения латива; наряду с суффиксальными формами долгое время лативность выражала и одна только основа. Уместную осторожность автор проявляет при взвешивании доказательной силы конструкций типа ненецкой (Кастрен) *nuxunde nā* 'mit seinem Sohne' (первый компонент имеет форму латива вместо формы генитива *nunde*) при постулировании первичности лативного характера (вместо генитивного) первого компонента самодийских послеложных конструкций вообще (ср. и A. Künnap, *Zum Problem des nordsamojedischen Genitivs.* — СФУ X 1974, стр. 196). (Стр. 233—237). Наконец следует подчеркнуть, что какими бы не были личные убеждения читателя рецензируемой книги по той или иной проблеме, ему придется отдать должное той последовательности, которую автор книги проявляет при строении системы своих малых и больших гипотез, начиная с первой страницы и кон-

чая последней. В книге Т. Микола все взаимосвязано и логично, даже самые мелкие языковые детали рассматриваются с точки зрения всей языковой систе-

мы, анализируются как в синхронном, так и в диахронном плане.

АГО КЮННАП (Тарту)

К. И. Ананьина, Верхне-алатырские говоры мокшанского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1974.

24 января 1975 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита кандидатской диссертации ассистентом Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева К. И. Ананьиной на тему «Верхне-алатырские говоры мокшанского языка». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук А. П. Феохтистов (Москва).

Диссертация К. И. Ананьиной «Верхне-алатырские говоры мокшанского языка» представляет собой продолжение проведенного в предшествующие годы исследования диалектов и говоров мокшанского и эрзянского языков, расположенных за пределами Мордовии. Следует подчеркнуть, что диссертация посвящена весьма интересному диалектному участку, на котором наблюдается взаимодействие двух близкородственных языков — мокшанского и эрзянского. Переплетение мокшанских и эрзянских элементов проявляется на всех уровнях языка, причем в результате билингвизма картина осложняется вклиниванием русских фраз и выражений. Все это, несомненно, усложняет задачу как описания диалектов в целом, так и обоснование отдельных встречающихся в них языковых деталей, и требует от исследователя обширных знаний не только по мордовской диалектологии, но и по соседним языкам. Целый ряд приведенных в диссертации фактов по сравнительному языкознанию и сопоставление их с близкородственными языками убеждает нас в том, что автору удалось в строгой системе и с должной научной точностью и убедительностью изучить описанные в диссертации говоры.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения, а также списка сокращений и библиографии.

Во введении (стр. 2—13) определяется тема исследования, описывается формирование верхне-алатырских говоров, а также приводятся данные по истории изучения и исследования мордовских языков и указываются некоторые монографии по узловым проблемам диалектологии. Приведенная на последних страницах введения карта знакомит нас с географическим расположением верхне-алатырских говоров и с пограничными с ними поселениями.

Первая глава (стр. 14—92) — «Фонетика». В связи с описанием фонемного состава верхне-алатырских говоров мокшанского языка автор иллюстрирует с помощью отдельных слов весь сорокафонемный состав говоров, прибегая к противопоставлению фонем при описании как гласных, так и согласных звуков. Как и следовало ожидать, в системе согласных противопоставление проводится по твердости-мягкости и звонкости-глухости фонем. За описанием следует дробление системы гласных и согласных на определенные подгруппы, причем оно настолько детализировано, что в оглавлении работы только перечисление подгрупп занимает полторы страницы. При описании отдельных фонем автор особо останавливается на положении их в начале или конце слова, на позиции внутри слова в особых случаях, а также на соседних звуках и сочетаниях с другими гласными и согласными. Приведенные при этом сравнения с литературными мокшанским и эрзянским языками подчеркивают своеобразие и особенности описываемых диалектов. Наглядности способствуют и приложенные к первой главе удачно составленные таблицы.

Из фонетических процессов в обла-